

М. Н. Громов

ВЛИЯНИЕ КАНТА
НА РУССКУЮ МЫСЛЬ*

*В предлагаемом тексте предпринимается попытка дать краткий обобщающий обзор влияния на русскую мысль идей и личности великого философа, бывшего ярким выразителем немецкого духа, творческим гением и *genius loci* Кёнигсберга, города с трудной исторической судьбой.*

*The text is devoted to the influence of Kant's personality and philosophical ideas on the Russian thought. Kant considered as the great philosopher, who was the bright spokes of German spirit, the creative genius and *genius loci* of Königsberg, which has been the town of dramatic historical fate.*

Ключевые слова: философия Канта, личность Канта, русская философия, русская культура.

Keywords: Kant's philosophy, Kant's personality, Russian philosophy, Russian culture.

Ввиду грандиозности и неисчерпаемости обозначенной темы, требующей для своего удовлетворительного раскрытия нескольких диссертаций, монографий и коллективных трудов, ограничимся в предлагаемой статье лишь несколькими ее аспектами. Нас будет интересовать Кант как *личность*, как *мыслитель*, как *выразитель германского духа*. Под влиянием, в широком смысле этого слова, будет подразумеваться не только положительное усвоение его идей, но и полемика с ними, их неприятие и даже умолчание о них [1–4].

Ученическое подражание и добросовестный пересказ уже однажды продуманного и зафиксированного в текстах являются начальными формами распространения идей великого философа, каким был и навсегда останется Иммануил Кант. Следующей, более сложной стадией предстает глубокий анализ его учения с выявлением иных поворотов мысли, творческой доработкой, а порою радикально новой переработкой, как это будет наблюдаться

* Работа выполнена при поддержке РГНФ по проекту № 09-03-0073а

сто лет спустя в разных версиях неокантианства и других течениях, генетически связанных с Кантом [20; 21; 29].

Что касается полемики, то она представляет самую сложную, протестную, но от этого не менее, а, может быть, даже более действенную форму влияния и связи, ибо она, как любая борьба, сильнее захватывает сознание человека, нежели спокойное отношение к чему-либо. Эта борьба по поводу наследия Канта вполне соответствует антиномичности его философии и тому вызову, который он бросил традиционным и обветшавшим способам мышления. Она лишь больше увеличивает ореол его славы и не оставляет равнодушными как сторонников, так и противников [5; 22]. Для философии, которая по природе своей чаще ставит вопросы, чем дает на них ответы, подобная ситуация вполне объяснима, приемлема и даже желательна. Гораздо хуже, когда нет полемики и безразличный умственный взор равнодушно скользит мимо чьих-то идей и концепций. При этом не возникает ни слов одобрения, ни слов осуждения.

В связи с этим скажем, что бывают *молчание* и *умолчание*. Первое возникает тогда, когда нет желания или нет возможности говорить. Второе — когда публично выраженные слова отсутствуют по запретительным внутренним или внешним причинам. Внутренняя мотивация может быть связана с нежеланием вступать в полемику и, напротив, — с желанием сознательно проигнорировать того, с кем не согласен и к кому не хочешь привлекать внимания. Внешние ограничения связаны с целенаправленной регламентацией со стороны определенных кругов, в том числе светских и духовных властей, идеологических институтов и тому подобных государственных и негосударственных структур, стремящихся ограничить или запретить филиацию тех или иных, нежелательных для них, идей. Так в советский период сознательно сдерживалось слишком глубокое изучение идейного наследия философа, как его именовали, идеалиста и агностика Канта, хотя как представителя классической немецкой философии, трактуемой в качестве предшественницы марксизма, его приходилось избирательно изучать и частично использовать.

Однако вопреки запретам (а может, благодаря им) nereкомендация властей играла совершенно обратную роль рекомендации для мыслящей части общества. Интеллектуальный протест в эпоху тоталитарного государства состоял в том числе в том, что граждане, не согласные с его политикой и идеологией, стремились узнать то, что им запрещалось знать. Это относится в полной мере к так называемой буржуазной западной философии, которую, несмотря на все запреты, желали знать больше и лучше. Поэтому избирательное отношение к Канту как мыслителю и кантианству как философскому течению со всеми его модификациями, равно как начальственное умолчание о нем вовсе не свидетельствуют об отсутствии кантовского влияния в Советском Союзе, скорее наоборот, ибо сама необходимость запретительных мер убедительно говорит о наличии запрещаемого.

Перейдем к краткому рассмотрению отдельных аспектов воздействия Канта и его учения на русскую мысль и некоторых ее представителей, которое осуществляется уже два с лишним века. Здесь можно выделить: 1) непосредственное знакомство с философом, слушание его лекций, беседы и переписку с ним; 2) изучение его трудов — как на языке оригинала, так и в переводах; 3) распространение учения Канта в России немецкими и отечественными преподавателями; 4) слушание лекций в немецких универси-

татах, где излагались идеи Канта, российскими студентами и стажерами; 5) изучение исследовательских трудов европейских специалистов, посвященных философу, включая прокантовскую и антикантовскую литературу; 6) рассмотрение российского кантоведения и разнообразных точек зрения на Канта и его учение; 7) оценка современного интереса к Канту и его трудам в России. Каждая из обозначенных тем заслуживает особого тщательного рассмотрения, поэтому ограничимся лишь беглым их обзором и некоторыми примерами.

Счастливого возможность видеть и слышать Канта, бывшего тогда доцентом Кёнигсбергского университета, имели десятки российских чиновников и военных во время посещения его лекций, в основном по прикладным дисциплинам. Эта возможность появилась тогда, когда после победоносной Семилетней войны Восточная Пруссия на несколько лет вошла в состав Российской империи. Однако среди слушателей Канта не нашлось тех, кто оставил бы заметный след в истории русской мысли. Вместе с тем нельзя не упомянуть имя оставившего подобный след А. Т. Болотова, хорошо знавшего немецкий язык, служившего в канцелярии губернатора и проявившего живой интерес к философии вообще, но не к учению самого Канта, а к взглядам его оппонентов Крузиуса и Веймана. Заколебавшись было в религиозной вере под влиянием рационализма Просвещения, ярким представителем которого был именно Кант, Болотов стал исповедовать теоцентризм в православном духе, придерживаясь концепции гармонизации религии и науки, а вернувшись в Россию, занялся обширной общественной, педагогической, экономической деятельностью¹. На этом характерном примере, типичном для будущих времен, видно, что взгляды Канта отнюдь не ожидал повсеместно восторженный прием в России.

XVIII век, столь бурный и противоречивый, знает примеры и другого рода. Чрезвычайно занятый Кант, редко снисходивший до переписки с кем-либо, находит время составить серьезное концептуальное послание князю А. М. Белосельскому-Белозерскому, опубликовавшему на французском языке трактат «Дианология», который немецкий философ назвал «превосходной работой». Этот интересный эпизод немецко-русских философских связей свидетельствует о благосклонном внимании великого философа к ищущей мысли своего адресата и заинтересованности Канта быть адекватно понятым русским просветителем. Другим положительным примером является известная трехчасовая беседа с Н. М. Карамзиным весной 1789 г. в кабинете кёнигсбергского профессора, в ходе которой более чем шестидесятилетний, умудренный жизненным опытом, муж изложил молодому собеседнику двадцати двух лет итоговые размышления своей непрестанной мыслительной работы. Если первый эпизод с князем Белосельским-Белозерским имел ограниченное значение и носил преимущественно симптоматический характер, то встреча с Карамзиным, который срочно занес содержание разговора на бумагу и затем опубликовал его в «Письмах русского путешественника», получила широкую огласку и способствовала положительному восприятию имени, личности и учения Канта на русской

¹ А. Т. Болотов стал типичным представителем естествонаучного течения в русском Просвещении, стремившимся в согласии со своей провиденциалистской позицией создать концепцию *натуртеологии* как отечественную версию распространявшейся в Европе *физикотеологии* или *космотеологии*.

почве [38, с. 117—119]. На указанных трех примерах мы видим, как складывалось мнение образованной части российского общества о Канте и какая полемика готова была развернуться вокруг его имени и учения.

С прижизненными сочинениями Канта на немецком языке представители российской интеллектуальной элиты могли ознакомиться как в Германии, так и, по мере их поступления в Россию, у себя на родине. Еще до кончины кёнигсбергского философа произошло важное событие — в городе Николаеве на черноморском юге Российской империи вышел первый русский перевод его труда «Метафизика нравов» под названием «Кантово основание метафизики нравов», который осуществил преподаватель местного штурманского училища Яков Рубан [30, с. 786]. В течение XIX века были переведены на русский язык основные произведения Канта, а также ряд работ, ему посвященных, авторами которых были Виллер, Майнерс, Рейнгольд и другие европейские, не только немецкие, специалисты. Учение Канта занимает отныне подобающее место в систематических обзорах западной философии, его идеи осмысляются и вводятся в философский и общекультурный контекст повсеместно [24]. В самой Германии не только философы (Тифрунк, Хуфеланд, Тиннеман), но и поэты (Шиллер и Гёте) используют его идеи. Все это в той или иной степени транслируется на русскую почву и пускает в ней корни.

Авторитет Канта в России возрастал постепенно, особенно после избрания его иностранным членом Санкт-Петербургской академии наук в 1794 г.² Кроме распространения книг на немецком, русском и других языках, либо непосредственно с сочинениями кёнигсбергского мыслителя, либо с разбором его идей, либо с разъяснением довольно сложной кантовской терминологии, важнейшим проводником учения Канта становится преподавательский процесс [32]. Одним из первых пропагандистов учения Канта стал профессор Геттингенского университета Мельман, последователь критической философии, приглашенный в Россию в 1786 г. Он, а вслед за ним Шаден, Буле, Рейнгард читали лекции в Московском университете. В открытых в начале XIX в. Харьковском и Казанском университетах читали лекции соответственно Шад и Финке. В то же время в немецких университетах, в частности в Геттингенском, где были особенно популярны идеи Канта, обучались десятки российских студентов, изучавших наследие великого философа на языке оригинала.

В самой России начинается и все более ширится основательное изучение трудов Канта, рассмотрение его учения, введение идей мыслителя в преподавательский процесс отечественными специалистами. Профессор Санкт-Петербургского университета Галич в своей «Истории философских систем» посвятил Канту целый раздел, снабженный обширной библиографией (СПб., 1819). Архимандрит Гавриил (Воскресенский) в шеститомной «Истории философии» при рассмотрении немецкой философии отвел кёнигсбергскому мыслителю параграф под названием «Критический идеализм Канта» (Казань, 1840). Профессор Гогоцкий посвятил немецкому философу кандидатскую диссертацию «Критический взгляд на философию Канта» (Киев, 1847), а в составленной им первой русской четырехтомной философской энциклопедии «Философский лексикон» (Киев, 1857—1873) поместил статью «Кант». Отныне статья под таким названием, а также со

² Однако не за философские, а за свои естественнонаучные труды.

временем статьи «Кантианство», «Неокантианство», «Кант в России», «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «Категорический императив» и близкие им будут постоянно присутствовать в российских справочных изданиях по философии, став обязательной частью общепрофессионального знания [20–22].

Отдельную тему представляет специфика изучения и характер отношения к наследию Канта в российских духовных академиях, которые располагались в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Казани. В целом духовно-академическая философия в России имела давнюю традицию (Славяно-греко-латинская академия в Москве была основана в 1685 г., преобразована в 1814 г. в Московскую духовную академию и переведена в подмосковный Сергиев Посад, где находится поныне) и достаточно высокий профессионализм, особенно в области филологической, исторической и богословской подготовки. Диапазон квалификации философии Канта в целом и отдельных его идей в духовно-академической среде достаточно широк: от полного неприятия до высокой оценки и уж во всяком случае неопровержимого упоминания о нем, ибо пройти мимо такой величины и такого фундаментального учения было невозможно [1; 8].

Вполне понятно, что отвергались взгляды Канта, изложенные им в сочинении «Религия в границах только разума», одно название которого вызывало протест ортодоксально настроенной публики. Как выразился профессор Киевской духовной академии Скворцов: лучшее во взглядах Канта на религию принадлежит Евангелию, а худшее — его рассудочной философии. В то же время его коллега Юркевич положительно отзывался о новаторском вкладе немецкого мыслителя в современную философию, широко использовал его идеи и труды, сравнивая по значению с Платоном. Профессор Московской академии Голубинский высоко ценил взгляды Канта в области теории познания, но не принимал его опровержений доказательств бытия Божия.

Примечательно, что профессор Московской академии А. И. Введенский стал одним из крупных представителей русской кантианы, посвятив немецкому философу несколько трудов, в том числе исследование «Учение Канта о пространстве» (Сергиев Посад, 1895). С ним вступил в полемику профессор Петербургской академии Каринский, имевший основательную философскую подготовку, слушавший лекции Лотце в Геттингене и написавший книгу «Критический обзор последнего периода германской философии» (СПб., 1873). В монографии «Об истинах самоочевидных» Каринский подверг основательному разбору «Критику чистого разума», полагая, что учение Канта об умоизобразительных истинах несет на себе печать субъективного догматизма, и новейшая рационалистическая философия должна искать новых оснований для выработки своих суждений. По поводу этой монографии Введенский опубликовал полемическую рецензию против Каринского с заглавием «О Канте действительном и воображаемом». Обширный труд выпустил епископ Никанор (Бровкович) под названием «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» и подзаголовком «Критика на «Критику чистого разума» Канта» (СПб., 1875–1888. Т. 1–3). Епископ Никанор был личностью весьма неординарной. Закончив Петербургскую академию и став помощником ректора, он был заподозрен в «неправославном мышлении», выслан из столицы империи; переменяя несколько городов, осел в Одессе. Критикуя «антихристианских» западных мыслителей от

Вольтера и других энциклопедистов до Маркса и Шопенгауэра, он вместе с тем пытался использовать позитивистскую методологию для борьбы с материализмом и атеизмом, заслужив славу либерального богослова [22, с. 266—316].

К концу XIX столетия философия Канта заняла свое достойное место в интеллектуальной жизни российского общества, однако суховатая рассудочность кёнигсбергского мыслителя в сравнении с вдохновенной патетикой Шеллинга и монументальным стилем Гегеля способствовала тому, что первоначально шеллингианство и особенно гегельянство заняли более прочные позиции в русской мысли. Однако постепенно кантианство теснит своих немецких конкурентов. Оно, следуя призыву Либмана «назад к Канту», трансформируется в неокантианство и находит новых приверженцев. Разумеется, кантианство было не столь массово, как популистский марксизм и не столь соблазнительно, как эстетствующее ницшеанство. Его немногочисленные ряды в России состояли из тех, кому действительно была интересна напряженная работа человеческого сознания в стремлении познать мир и самое себя, что всегда означает нелегкий, а порою изнурительный труд.

Следует заметить, что русская философия конца XIX — начала XX века дооктябрьского периода переживала свой наивысший расцвет, которого она не испытала ни до, ни после него. Для нее в этот период характерно удачное сочетание хорошей европейской выучки, независимой выработки собственных оригинальных концепций, достаточно широкой свободы изложения идей, что приводило к возникновению массы разнообразных направлений от вульгарного материализма до утонченного мистицизма, от этатизма до анархизма, от персонализма до космизма и многих других течений, боровшихся друг с другом за умы людей. Это приводило в целом русскую мысль к высокому тону философствования и полифонии мышления, столь важных в креативном отношении и творческом многообразии [12; 13; 40].

В этой ситуации, конечно, не обошлось без Канта. Возникают многочисленные связи, пересечения, оппозиции, которые можно тематически обозначить как Кант и Соловьёв, Кант и Достоевский, Кант и Толстой, Кант и Флоренский, Кант и Белый. Их перечень нетрудно умножить. Многообразие взглядов по тематике «Кант: pro и contra» переходит в среду русской эмиграции, которая в лице философии русского зарубежья продолжила интенции развития дореволюционной мысли. Здесь можно упомянуть имена Булгакова, Франка, Бердяева, Степуна, Яковенко и других, в работах которых присутствует имя и учение Канта в различных оценках и интерпретациях [22].

Об этом написано немало исследований и нет нужды их перечислять. Остановимся лишь на паре принципиальных вопросов. Первый из них состоит в том, как кантианство и неокантианство соотносятся с *софиологией*, одним из доминантных течений русской мысли и культуры того времени. По словам Флоренского, софиология связана с христианизированным платонизмом, а Платон и Кант обозначают два водораздела мысли, ибо они разграничивают *теоцентризм* и *автоцентризм* на два контрадикторные течения, которые, с одной стороны, противоположны, а с другой — дополняют друг друга [35]. Кроме того, кантианство эксплицируется как учение сугубо вербальными и рациональными способами выражения мысли, а

софиология — как вербальными (при этом не только рациональными, но также иррациональными), так и невербальными — эстетическими, визуальными, символическими в виде произведений искусства и культового действия³.

Второй вопрос состоит в уяснении самой типологии русского мышления, по ряду особенностей отличного от западноевропейского. При всем разнообразии форм философствования на Западе, доминирующей была и остается традиция рационального дискурса, идущая от Аристотеля, Фомы Аквинского, Декарта, Спинозы, Лейбница вплоть до Витгенштейна, Рассела и представителей современной аналитической философии. Традиция русского философствования, также при учете разнообразия его форм, строится прежде всего на упомянутом выше христианизированном платонизме. Славянские первоучители Кирилл и Мефодий перенесли на православную почву региона *Slavia orthodoxa* византийский синтез филологии, философии, богословия, который в нераздельном единстве прослеживается от Илариона Киевского, автора XI века, до Владимира Соловьёва, Толстого и Достоевского [11, с. 472–475]. Искусное владение словом, философская глубина мышления и обращение к сакральным ценностям существуют в их творчестве целостно и нераздельно. Отсюда проистекают концепции «цельного знания» у Киреевского и «всеединства» у Соловьёва. При всем уважении к западной традиции следует учесть и русскую, а вместе они создают разнообразие философского универсума, где Платон и Аристотель взаимодополняют друг друга, а рационализм и иррационализм уравнивают наше сознание, не допуская его крена в ту или иную сторону [36; 43].

Подводя итог своим размышлениям и понимая, что многое не успел выразить, хотел бы сказать, что Кант как *личность* вызывает уважение у русского человека по причине его достойного поведения честного работника мысли, самозабвенного труженика, терпеливого наставника [39]. Он был своеобразным аскетом в миру, сублимировавшим и положившим на алтарь философии все свои душевные и телесные силы. Быть может, русскому человеку с его широкой душой и меньшей организованностью кажутся чуждыми чрезмерная дисциплинированность, строгий педантизм и даже некий автоматизм поведения немецкого профессора, но это уже дело национального вкуса. Вместе с тем заметим, что внешняя упорядоченность образа жизни Канта способствовала внутренней сосредоточенности, а строгий режим поддерживал здоровье и сохранял энергию для главной работы — напряженной умственной деятельности.

Относительно понимания Канта как *мыслителя* было достаточно сказано выше. Остается только добавить, что в современной постсоветской России Кант, кантианство и кантоведение являются уважаемыми составляющими философской и в определенной степени культурной и общественной жизни, о чем хорошо осведомлены коллеги [14; 28; 29; 34].

³ Софийная традиция имеет в России более чем тысячелетнюю историю, она связана с преимущественно византийским и отчасти западным влиянием. София Премудрость Божия воспринималась как проявление божественного Логоса со времени строительства Софийских храмов в Киеве, Новгороде, Полоцке, воздвигнутых в подражание Софии Константинопольской. Храмовая архитектура, гимнография, иконопись отражали идею Софии столь же выразительно, как библейские тексты и творения отцов Церкви.

Что касается отношения к Канту как *выразителю германского духа*, то позволю предложить следующую интерпретацию. В российской истории влияние Германии, ее культуры, экономической, политической, военной мощи было всегда велико [31; 42]. Когда две наши страны были союзниками, то это обеспечивало стабильность Европы, когда противниками, это сотрясало континент. В России высоко ценили великий германский дух в лице его лучших представителей: в музыке — Баха и Бетховена, в литературе — Гёте и Шиллера, в философии — Канта и Гегеля. Однако великая нация с великим духом склонна подчинять себе другие народы и культуры, причем не только экономическим, политическим, военным, но также интеллектуальным путем. И вот здесь возникает у соседних с Германией народов естественная защитная реакция самосохранения против германизации сознания, что легче понять французу, поляку, русскому и труднее — собственно немцу. Мне кажется, что в отношении к Канту у некоторых отечественных мыслителей можно уловить эту опасливую идею — не оказаться в безусловном, слишком большом, доминантном подчинении германскому гиганту мысли. При всем почтении к нему необходима некая дистанция во взаимоотношениях между Кантом и теми, кто рискует приближаться к этому исполину. Сказанное в большей степени справедливо по отношению к представителям славянофильского, иррационалистического, религиозного и других направлений, априорно несовпадавших с учением Канта, и в меньшей степени — к сторонникам западнического, рационалистического, сциентистского и близких им течений многообразной русской мысли [5; 8; 9; 37; 42].

В заключение хотел бы сказать несколько слов о городе, с которым неразрывно связан великий немецкий философ и порождением которого он является. Кёнигсберг как город-крепость, как город-труженик, город-порт, как форпост Германии на восточных ее рубежах имеет свою многовековую историю (что, к сожалению, осталось лицезреть преимущественно на сохранившихся довоенных фотографиях), которая отразилась в традициях и менталитете его обитателей. Аскетическая жизнь основателей, воинов-монахов Тевтонского ордена, пуританская этика протестантизма, постоянная борьба за существование среди относительно неблагоприятной природы Восточной Пруссии и вблизи нередко враждебных племен и народов наложили свой отпечаток на обитателей этого уникального города на краю германской ойкумены [25]. Вместе с тем Кёнигсберг стал культурным центром Прибалтийского региона, куда в Альбертину, знаменитый университет, приезжали учиться молодые люди из окрестных стран, поэтому он был местом встречи разных культур, разных этносов, разных конфессий [26]. Все это накопленное веками выразилось в Канте, который сознательно не хотел уезжать ни в какой иной город, ибо он был и остается навсегда не просто достопримечательностью, брендом, но прежде всего *гением места*, *genius loci* этого величественного города с трудной судьбой.

Предположительно, что по отцовской линии Кант был прибалтом (согласно одной из версий) и, возможно, не случайно среди последних опусов великого маэстро философии стало послесловие к немецко-литовскому словарю⁴. Честно и трудолюбиво прожив свою жизнь подобно ремесленни-

⁴ Есть иная версия генеалогии Канта, согласно которой его отец был немецким колонистом, предки которого обосновались в Восточной Пруссии.

ку-отцу, он в своем мировоззрении отразил интересы многочисленного третьего сословия, чем активно занимались просветители XVIII века, его современники, на широком европейском пространстве от Франции до России. Сполна исполнив свой профессиональный и гражданский долг, Кант навсегда лег в землю своей малой родины, чьим сыном и патриотом он был.

Как бы предвидя трагическую судьбу родного города, Кант пишет в 1795 г. трактат «К вечному миру», где выражает надежду на будущую мирную Европу, свободную от войн и насилия. Но правители и военачальники редко слушают философов. Чрезмерное желание возвыситься над другими народами, которое хотел военным путем осуществить германский милитаризм, привело не к господству, а к поражению великой страны и великого народа. Кёнигсберг пал жертвой этой катастрофы [6; 23]. Поразительно и вместе с тем providentially, что в хаосе разрушенного, дымящегося города в 1945 г. сохранилась могила Канта, это святилище гения места, *genius loci* Кёнигсберга, сохраняющееся поныне и служащее символом продолжения культурной традиции в новых исторических условиях. Отдадим же дань уважения великому мыслителю, а вместе с ним и городу, породившему столь достойного гражданина.

Список литературы

1. Абрамов А. И. Кант в русской духовно-академической философии // Абрамов А. И. Сборник научных трудов по истории русской мысли. М., 2005. С. 118–150.
2. Абрамов А. И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Там же. С. 343–363.
3. Абрамов А. И. Кантианство в русской университетской философии // Там же. С. 364–381.
4. Абрамов А. И., Суслова Л. А. Кант в России // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007. С. 232–236.
5. Ахутин А. В. София и черт [Кант перед лицом русской религиозной метафизики] // Вопросы философии. 1990. №1. С. 51–69.
6. Василевский Г. А. Виновата ли германская культура? // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]. История в материалах и документах. Т. 3: 1914–1917. М., 2009. С. 134–151.
7. Глаголев С. С. Религиозная философия Канта. Киев, 1847.
8. Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
10. X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации. Калининград. Калининград, 2009.
11. Громов М. Н. Русская философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 472–477.
12. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001.
13. История русской философии / под ред. М. А. Маслина. Изд. 2-е. М., 2008.
14. Калинин Л. А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.
15. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М., 1998.
16. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
17. Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963–1966.
18. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. / изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М., 1994–2008.

19. Кант И. Спор факультетов / отв. ред. Л. А. Калинин. Калининград, 2002.
20. Кант и кантианцы. М., 1978.
21. Кант и философия в России. М., 1994.
22. Кант: pro et contra / сост. А. И. Абрамов, В. А. Жучков. СПб., 2005.
23. Костяшов Ю. Изгнание прусского духа // Маттес Э. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.
24. Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2009.
25. Кулаков В. И. От Восточной Пруссии до Калининградской области. Калининград, 2000.
26. Лавринович К. К. Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.
27. Маттес Э. Региональное самопознание в Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 2003. С. 203 — 218.
28. Мотрошилова Н. В. Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной философии» // Мотрошилова Н. В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. М., 2005. С. 221 — 265.
29. Нижников С. А. Философия Канта в отечественной мысли. М., 2005.
30. Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.
31. Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993.
32. Сотонин К. Словарь терминов Канта [к трем критикам]. Казань, 1913.
33. Философия И. Канта и современность. Минск, 2005.
34. Философия Канта и современность. М., 1974.
35. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М., 1990.
36. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
37. Шпет Г. Г. Очерк развития русской мысли // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 11 — 344.
38. Энгелс И. Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. 2008. №1 (27). С. 109 — 119.
39. Cassirer E. Kants Leben und Lehre, Berlin, 1921.
40. Copleston F. C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame, 1986.
41. Funke G. Von der Aktualität Kants. Bonn, 1979.
42. Masaryk Th. G. Russland und Europa. Bd. 1 — 2. Jena, 1913.
43. Špidlik Th. L'idée russe. Une autre vision de l'homme. Troyes. 1994.

Об авторе

Громов Михаил Николаевич — д-р филос. наук, проф., зав. сектором истории русской философии Института философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры, dr_gromov@mail.ru